

Сергей Зенкин

Листки
с электронной
стены

2014-2016 гг

Сергей Николаевич Зенкин Листки с электронной стены. 2014—2016 гг.

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22058563
ISBN 9785448341427*

Аннотация

Книга Сергея Зенкина «Листки с электронной стены» – уникальная возможность для читателя поразмышлять о социально-политических событиях 2014—2016 годов, опираясь на опыт ученого-гуманитария. Собранные воедино посты автора, опубликованные в социальной сети Facebook, – это не просто калейдоскоп впечатлений, предположений и аргументов. Это попытка осмысления современности как феномена культуры, предпринятая известным филологом.

Содержание

Тренажер	6
Логика любви к отечеству	8
Заиграно	13
Экспансия бесформенности	15
Кому не быть братьями	21
Совершенствование ума	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Листики с электронной стены 2014—2016 гг.

Сергей Николаевич Зенкин

© Сергей Николаевич Зенкин, 2016

Редактор Екатерина Алексеевна Пластун

Корректор Юлия Александровна Добина

Верстка, дизайн Алёна Игоревна Тарасова

Автор иллюстраций Александра Счастливая

Кампания продвижения Александр Михайлович Скрыль-

НИКОВ

ISBN 978-5-4483-4142-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тексты, собранные в этой книге, по большей части публиковались автором в сети Facebook; воспроизводятся также несколько публикаций из прессы, бумажной и электронной. Материалы в основном размещены в хронологическом порядке, с несколькими отступлениями от него; добавлены многие заголовки, исключены почти все ссылки и прямые цитаты из чужих высказываний в социальной сети. События и дис-

курсии последних лет не поясняются задним числом: тот, кому сегодня они не памятливы, легко может сам навести справки в Интернете по ключевым словам.

Тренажер

8.01.2015

(Вместо предисловия)

Что мне нравится в Фейсбуке – это возможность упражняться в молчании.

С одной стороны, тебя тут постоянно приглашают вступить в беседу, высказываться по всяким поводам. С другой стороны, тебя никто не торопит, ты можешь среагировать сию минуту, а можешь через час, через день, через неделю – ничего страшного, лента сохранит все. Здесь нет понятия *esprit de l'escalier*, запоздалая реплика ничем не хуже немедленной (ну, разве что в промежутке случатся какие-нибудь новые события, меняющие все дело).

Поэтому в FB-дискуссии можно подержать паузу, поразмыслить, посомневаться. Конечно, мы и в обычном разговоре критически следим за собой – как минимум стараемся не ляпнуть глупость, не совершить какой-нибудь *faux pas*. Но разговор – это словно шахматная партия блиц, а Фейсбук – партия по переписке, и не по электронной, как сейчас, а по медленной бумажной переписке, как в былые времена. Успеваешь задуматься еще и о том, а стоит ли обращаться именно с этим именно к этим людям? готовы ли они

тебя понять? о том ли вообще у них разговор? не будешь ли ты навязчив со своими идеями, бытовыми заметками, картинками? не собираешься ли сказать трюизм, который прекрасно скажет вместо тебя кто-нибудь другой (и действительно, обычно кто-нибудь да скажет...)? И не лучше ли вообще промолчать, подождать более подходящего случая – тогда, глядишь, и мысль твоя лучше созреет? Потом хоть не будешь, отматывая ленту назад, хвататься за голову: чего же это я наговорил... В нашей торопливой жизни Фейсбук – уникальная точка, где можно оставаться в гуще споров и вместе с тем высказываться не спеша и рассудительно.

Я по природе импульсивный тугодум: знаю, что первая реакция почти всегда неадекватна, надо ждать второй. А Фейсбук – это такой тренажер, позволяющий тренировать выдержку, проверять и уточнять свою мысль и слово. При верном использовании (что не всегда, конечно, удастся!) это бесценный ресурс морального самовоспитания.

Интересно, многие ли об этом догадываются?

Facebook

Логика любви к отечеству

3.02.2014

Есть непочтительное выражение «патриотический угар» – наподобие пьяного угара. И действительно, патриотизм кое в чем подобен алкоголю. Он воодушевляет, вызывает радостный экстаз, побуждает к смелым воинственным поступкам, даже к настоящим подвигам (фронтовые «сто грамм» и призывы «За родину, за Сталина!» служили одной и той же цели); но он же подавляет в человеке здравый рассудок, внушает ему абсурдные идеи, вплоть до агрессивного бреда. Эти разные функции часто распределяются в зависимости от характера людей – одни пьют, чтобы повеселиться, другие чтобы подраться, одни патриоты от любви к своим, другие назло чужим, – но они могут и совмещаться, чередоваться в одном и том же индивиде. Такого индивида, охваченного патриотическим восторгом или возмущением, бесполезно в чем-то переубеждать – надо ждать, пока он протрезвеет.

Само понятие патриотизма противится логике, при попытке его определить получается порочный круг. Патриотизм – это любовь к родине. Но что такое родина? Это не территория страны, которая может сильно меняться (русские считают своей исторической родиной Киевскую Русь, а она сегодня находится в другом государстве), не население, ко-

торое меняется еще сильнее (просто в силу смены поколений, а также миграции, скрещения этносов и рас, присоединения или отпадения областей). Переменчиво даже ее имя: Русь – Московское царство – Российская империя – Советский Союз... Говорят, что родина – это некое духовное единство, традиции, ценности; каковы же, например, традиционные ценности русского народа? Первым ответом непременно оказывается «любовь к родине»: с чего начинали, к тому и приехали.

Конечно же, патриотизм – не фикция, не пустая иллюзия, но это один из фактов нашего опыта, которые всеми сильно переживаются, но плохо поддаются рациональному осмыслению. Как писал Августин о другом таком факте, времени: если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что это такое; вздумай я объяснить спрашивающему – тогда не знаю. Приходится как-то искусственно его схематизировать, чтобы ввести в пространство смысла.

Политики и пропагандисты иногда пытаются связать патриотизм с каким-нибудь другим, чуть более определенным понятием: «наша *советская* родина», «наше *социалистическое* отечество». Получается плохо – прибавленное понятие можно вычеркнуть или заключить в скобки, оно легко забывается, а патриотизм остается. Родину любят не за то, что она такая или этакая, а за то, что она *наша*, – однако местоимение «наша», как и все местоимения, не обладает объективным значением, и множество «нас» нельзя точно опи-

сать. Кто такие «мы» – входят ли в это «воображаемое сообщество» уехавшие из страны эмигранты? или понаехавшие в нее гастарбайтеры? или, скажем, геи (разве они не могут быть патриотами?)? или просто те, кто вот сейчас категорически не согласен со мной и считает меня отщепенцем?

Имея дело с такими зыбкими множествами и смутными понятиями, наше сознание обычно прибегает к так называемым «хорошим примерам»: вместо целого берется элемент, который всеми надежно опознается как его часть. Так и патриотизм персонифицируется, любовь к родине проецируется на фигуры каких-то конкретных людей – уж в них-то мы не ошибемся, они-то точно воплощают собой наше отечество. В качестве таких людей-символов патриоту требуются вожди, герои, артисты, спортсмены.

Но вот святые плохо годятся на роль «хорошего примера». Существуют национальные, патриотические религии, и русское православие безусловно из их числа, в нем есть национальные святые, но никто не говорит, что они лучше всех на свете, а «русский бог» – это вообще ироническое понятие (как в известных стихах Вяземского). Легко гордиться Дмитрием Донским – наш был князь, орду побил, – а с Сергием Радонежским, который его на это благословил, уже сложнее. Патриотически присваивать его себе – «наш святой» – будет неблагочестивым панибратством: он все-таки прежде всего не «наш», а божий. Святость всегда чем-то не удовлетворяет патриота: зачем это Борис и Глеб дали себя убить? надо

было самым всех порвать...

С другой стороны, оказывается, что и не все артисты равно подходят для создания патриотических символов. Поэт, художник, музыкант годятся хорошо, а, скажем, актер – хуже. Его могут страстно любить, но все-таки не включают в национальный список канонических фигур: поэт – Пушкин, композитор – Чайковский, живописец – Репин, а лицедей – кто? Место не занято.

Так же и циркачи. Не в обиду им сказать, но в нашем сознании цирк – низкое, площадное искусство («что за цирк!» – говорим мы о чем-либо с недовольством), в нем реальные подвиги силы и ловкости соседствуют с фокусами иллюзионистов и кривлянием клоунов. В старину цирковые борцы славились своими «договорными» поединками; сегодня они вообще вывелись, уступив место спортивной борьбе – она, как считают, честнее. Вообще, хотя некоторые виды спорта имеют прямых родственников на цирковой арене, спорт неизмеримо патриотичнее цирка: во-первых, спорт состязателен, в нем нужно за кого-то болеть, то есть выделять «нашего»; а во-вторых, цирк, подобно театру или кино, слишком явно демонстрирует свою искусственную, иллюзорно-зрелищную природу, тогда как спорт, при всех своих условных правилах, кажется более подлинным. Совсем искусственные зрелища в нем маргинальны (открытие и закрытие олимпийских игр) и могут стать поводом для патриотических эмоций лишь силой его отраженного света.

Итак, логическая проблема патриотизма – на самом деле онтологическая, бытийная. Ему не по плечу слишком высокое, слишком безусловное бытие святости, его вожди и герои не выдерживают сравнения с мистически-нездешним, сверхпатриотическим авторитетом. Но, с другой стороны, он не доверяет и художественной условности (отсюда ревнивое отношение к патриотическим памятникам: это не образы искусства, а непосредственное воплощение «наших героев» и «наших ценностей», не смейте их хулить!); он охотнее ищет себе опору в трагической реальности павших героев и жертв, в телесной наглядности соревнующихся атлетов.

При всей интенсивности связанных с ним чувств, патриотизм внутренне неустойчив, не уверен в себе. Он смутно помнит, что его воображаемые сообщества непрочны и не вечны – так распался в одночасье «советский народ» на разные, не всегда дружелюбные друг к другу нации. В патриотическом одушевлении нельзя жить постоянно, обычно мы гордимся не родиной, а чем-то более конкретным – собственными успехами, своими друзьями и близкими – и оскорбляемся не покушениями на национальные символы, а нарушениями наших прав. За самоупоением нации неизбежно следует трезвая ответственность личности.

на сайте «Новой газеты»

Заиграно

11.03.2014

Много лет назад коллега по службе, пожилой и добродушный дамский угодник, рассказывал мне, как однажды вздумал сделать комплимент некоей сотруднице нашего учреждения: «Какая у вас красивая старинная брошка!» – «Да, – ответила она, – это еще дедушка с погрома принес». С тех пор он старался обходить ее стороной.

Меня всегда занимала психология этой незнакомой мне женщины. Она наверняка понимала, что погром – нехорошо, но это не мешало ей не просто пользоваться награбленным добром, а даже с гордостью сообщать о его происхождении (нет чтобы ответить уклончиво – дескать, «от дедушки с бабушкой осталась...»). Если бы задать ей прямой вопрос – не стыдно ли? – она, должно быть, стала бы оправдываться тем, что дела, мол, давние, она за деда не отвечает и вообще эти, которых громили, сами были не без греха. В общем, нарушение правил было, но заиграно, как выражаются в дворовом футболе.

Подобные самооправдания типичны – человек перекладывает ответственность за дурные дела на других, подчеркивает их удаленность во времени или пространстве. Когда-то в нашей стране истребляли индейцев или же морили голо-

дом украинских (и не только украинских) крестьян – а мы здесь при чем? Где-то там, в заморских колониях или колымских лагерях, творятся беззакония, а я всего лишь пользуюсь кое-какими благами, не заботясь о том, как одно связано с другим. Когда-то Шатобриан и Бальзак во Франции придумали знаменитый пример с китайским мандарином – согласился бы ты, если бы мог, убить его одним лишь своим желанием там, в Китае, и благодаря этому обогатиться? Достоевский вспоминал этот казус в «Преступлении и наказании», а скорее всего подразумевал и в «Братьях Карамазовых», в рассуждении Ивана о всеобщем счастье людей, купленном слезами какого-то безвестного ребенка. Многие готовы «убить мандарина». Самое странное и озадачивающее – это то, что прямо или косвенно ответственный за преступление не забывает его, не «вытесняет» по-фрейдовски, а умудряется как-то жить с ним, не раскаиваясь и не переживая противоречия.

Жан-Поль Сартр описал что-то подобное под названием «криводушие», *mauvaise foi*. При таком странном самообмане человек вполне осознанно – ничего бессознательного! – разделяет себя на две части, словно два несообщающихся сосуда: «фактичность» и «трансцендентность». Проще говоря, по-актерски делит себя на свободное сознание и роль, исполняемую для других. И заигрывает, перебрасывает туда-сюда через эту границу неприятные факты.

написано для «Новой газеты»

Экспансия бесформенности

22.03.2014

Общие философские категории трудно применять для объяснения конкретных исторических процессов – то есть они слишком легко применяются и слишком легко заменяются одна другой. Можно, например, толковать территориальную экспансию России как выбор в пользу пространства против времени (вместо ускоренного движения в будущее будем распространяться вширь в настоящем), но можно и как предпочтение количества качеству (пусть лучше страна будет больше, чем лучше). С такой оговоркой можно заметить, что современное состояние хорошо описывается категориями *субстанции* и *формы*.

Сегодня Россия производит главным образом бесформенные субстанции – нефть, газ, металл, водку, коррупционные деньги, – а сложно оформленные, структурированные объекты импортирует. В этом смысле и Крым для нее «родной», соприродный: его присоединили к России не как упорядоченное общество с заслуженными лидерами, партиями, с традициями освободительной борьбы, а как голую территорию с массой единодушно голосующих (а в самой России, как предполагается, единодушно ликующих) людей, во главе со случайно попавшимся под руку криминальным субъ-

ектом. Для российского общественного сознания Крым обладает формой разве что в прошлом: это места военно-патриотической памяти, форма скорее воображаемая, чем реальная.

Такому характеру объекта соответствует и способ его присвоения – вооруженный захват, пусть пока и без большого кровопролития. Приобретая структурированный объект (не обязательно страны или людей – даже любую бытовую машину), приходится адаптироваться к нему, учитывать его собственные законы, вступать в партнерские отношения. Еще три месяца назад Россия примерно так вела себя с Украиной – пыталась купить ее за 15 миллиардов, и сделка совсем было состоялась. Теперь же нет и речи о покупке Крыма, о каких-либо уступках и компенсациях; Крым просто तोропливо, без рассмотрения и без разговоров, загребли, словно лопатой кучу песка.

Что это дает? По большому счету, крымский трофей – всего лишь утешительный приз за потерю всей Украины (и множество других потерь в экономике и внешней политике), но зато его приобретение можно отпраздновать с победным салютом. По эмоциональному переживанию даже самый скромный военный триумф безмерно превосходит удовлетворение от удачной торгово-политической сделки.

Вообще, социокультурный смысл нынешнего поворота в российской политике – переход власти в праздничный, эпический режим сакрального законопреступления (транс-

грессии), противоположный профанно-прозаической законности будней. Следует особо подчеркнуть роль зимней олимпиады как события, готовившего и стимулировавшего крымскую авантюру; причем важна не столько победа национальной сборной, одержанная (как предполагается) по строгим спортивным правилам, сколько праздничное возбуждение молодечества, вообще говоря не признающего никаких пределов и законов. В таком возбуждении общество забывает о своей сложной структуре и само сливается в сплошную торжествующую массу «своих», «наших». А государство, устроившее праздник, может воспользоваться энергией этого социального «кипения» (как выражался Эмиль Дюркгейм), чтобы сделаться на внешней арене сплоченным и не признающим законов государством-опричником, государством-хищником.

В старину все государства были более или менее хищниками. Если одно из них пыталось вести себя миролюбиво, на него нападали другие и вынуждали-таки точить когти и показывать зубы. Но в современную, и особенно постколониальную эпоху, ситуация изменилась: благодаря глобальному капитализму золото взяло верх над булатом, экспорт капитала стал эффективнее, чем экспорт насилия. Государства-хищники, государства-изгои не исчезли вовсе, они необходимы для мирового порядка как точка отсчета (так в концлагерном социуме внесистемной точкой отсчета служит опустившийся доходяга, а в современной капиталисти-

ческой экономике – бесправный нелегальный иммигрант), но, во-первых, их теперь мало, а во-вторых, они вынуждены периодически подтверждать свою «крутость» и незаконность, опасаясь уже не агрессии извне, а внутреннего перерождения. Без повторяющихся время от времени авантюр однородно-праздничное общество начинает вновь расслаиваться на составляющие его группы, интересы которых можно согласовать только законами; собственно, они никуда и не девались, просто какое-то время о них не думали, упиваясь чувством патриотического единодушия. Стремясь предотвратить такое охлаждение умов, поддерживая в народе «кипение», Гитлер не мог бы, даже если бы захотел, остановиться после первых, довоенных территориальных приобретений. Праздники и воинственные шабаши быстро забываются, их приходится повторять.

Исторические аналогии – столь же шаткое объяснение событий, как и философские категории, и все-таки стоит провести одну параллель, хоть она и отсылает к эпохе до глобального капитализма и не содержит мотивов праздника и бесформенных субстанций. Во Франции в XIX веке правил император Наполеон III – красавец мужчина с волевым характером, не чуждый и авантюризму. Он пришел к власти на честных выборах в стране, испуганной революционными потрясениями, быстро превратился из конституционного президента в коронованного лидера нации, задавил оппозицию и заткнул рот тогдашним СМИ. На парламентских

и местных выборах он назначал «правительственных кандидатов» (они так и именовались официально), чтобы народ знал, за кого голосовать. Пользуясь промышленным подъемом и ростом валового дохода, он развел беспрецедентную коррупцию в своем ближнем кругу. И через каждые 5—6 лет он воевал – в отсутствие реальных угроз для своей страны, просто из имперской удачи. Он побил русских (между прочим, в Крыму), побил австрияков в Италии, послал войска даже в далекую Мексику (правда, эта экспедиция не имела успеха, и французского ставленника расстреляли местные республиканцы), а в конце концов, рассорившись по случайному поводу с прусским королем, начал войну против всей объединяющейся Германии. Францию охватило патриотическое воодушевление, по столичным бульварам ходили толпы с криками «На Берлин! На Берлин!». Прошло около полутора месяцев, и Наполеон III был разбит и пленен при Седане, а уже через день в Париже произошла новая революция.

Кстати, именно к этому человеку относится знаменитая остроота Маркса о том, что история повторяется, но, так сказать, с понижением в чине. С такой поправкой можно сказать, что исторические аналогии все-таки иногда работают.

*Gefter.ru (доклад на конференции «Пути России 2014»,
круглый стол «Российское пространство экспансии»)*

Кому не быть братьями

10.04.2014

Стихотворение молодой украинской поэтессы Анастасии Дмитрук «Никогда мы не будем братьями» стало хитом Интернета, было положено на музыку в Литве и вызвало множество возмущенных откликов в России, даже несколько стихотворных отповедей, одни – профессионально складные, другие – наивно безграмотные.

Резкость реакции объяснима. Во-первых, в стихах Дмитрук поставлен под вопрос вековой миф о «братстве» русских и украинцев, констатируется его провал в ходе последних политических событий: отъем Крыма от Украины можно оправдывать с разных точек зрения, но только не во имя русско-украинского братства – с братьями так, конечно же, не поступают. Дмитрук указывает на неравный характер этого «братства», как мыслят его в России: «вы себя окрестили „старшими“ – нам бы младшими, да не вашими». Забавно, что ее оппоненты, декларативно отрицая это неравенство, сами же его воспроизводят, толкуя свысока о «молодой дурочке», «глупой девочке», «украинской девочке Насте Дмитрук» и т. д. Разговор на равных между двумя уважающими друг друга народами оказывается невозможен, можно только по-семейному учить жить несмышлениша на правах

старшего брата. Но «девочка» -то явно требует иного, взрослого разговора, и, не в силах его вести, поучающие нервничают.

Во-вторых, заявляя о расторжении братских уз, Дмитрук апеллирует к настоящему, а не к прошлому. Ее противники все время ссылаются на предание, на «правду Истории», на память «предков», а у нее все происходит здесь и сейчас, в разгар киевской революции: «а у нас тут огни восстания». Она не пытается сводить старые счета – дескать, вы с нами поступали нехорошо, уж теперь поквитаемся, – не осуждает даже теперешние действия российского государства, а его подданных упрекает не в несправедливости, а в другом грехе – малодушии: «духа нет у вас быть свободными», «воля – слово вам незнакомое». Это суровые слова, и на них трудно возражать другими словами. О делах минувших дней можно вести бесконечную перебранку (и ведут), о справедливости тоже можно долго судить да рядить, а на обвинение в трусости полагается отвечать делами, к чему, похоже, мало кто готов. Поэтому опять-таки нервничают.

Наконец, в-третьих, Дмитрук никогда не уточняет, с кем именно «мы не будем братьями». Желающие могут, конечно, подставить под ее «вы» – просто «русских», но сама она от этого воздерживается. Более того, свои якобы антирусские стихи она пишет на хорошем русском языке, и в ее тексте нет ни одного специфически «украинского» мотива. Поэтому можно понимать ее местоимения в неэтниче-

ском, ненациональном смысле: «мы» – герои демократической революции, а «вы» – раболепные холопы своего «царя». И дальше каждому предлагается сделать свой выбор, к какой из этих двух категорий себя относить. Отвергая сомнительное «братство», Дмитрук предлагает всем людям доброй воли – в России, на Украине – новую, товарищескую солидарность. Так часто поступает революция – учреждает новое коллективное «мы», в которое кооптирует даже чужих, казалось бы, людей. Но, конечно, принять такое приглашение трудно, проще его не замечать и обижаться, замыкаясь в своем старом, традиционном «мы». Вот и обижаются – и опять-таки нервничают, чувствуя, что получается не совсем искренне.

Разумеется, все авторы отповедей дружно объявляют стихи Анастасии Дмитрук «плохонькими»; по выражению одного из них, «поэтическая составляющая никуда не годится» (до сих пор говорили только «коррупционная составляющая» – оговорка по Фрейду?). Спорить тут бессмысленно, но очевидно, сколь многих эти стихи задели за живое, – а это, как ни крути, признак художественной удачи. Два года назад точно так же, примерно по тем же причинам многих в России задели за живое Pussy Riot, разница лишь в том, что их украинская сверстница держится спокойнее, не кричит, а чеканит слова. Ей придает уверенности чувство единства со своим народом, говоря «мы», она обращается от его имени, от имени революции. Таким ломким и гордым голосом

заявляет о себе в поэзии История.

* * *

Если бы эти стихи не были такими «горячими», не вызывали с ходу сразу так много нелитературных эмоций, я бы разбирал их со студентами как пример перформативного действия текста. Текст не только что-то значит, он еще и что-то делает по отношению к нам – что же именно? В данном случае это не инвектива, не обличение, а *вызов*, провокация (я недаром вспоминал PR): а слабо вам? слабо тоже быть свободными, героическими, демократичными? Этот вызов можно принять – то есть постараться действительно такими стать (и тогда никакой обиды не будет), а можно не принять, отругиваться от чужих, вместо того чтобы обратиться на себя (и тогда, конечно, текст читается как тупое оскорбление). То есть все зависит от доброй воли читателя: дверь открыта, нигде не сказано, что «мы» – это одни лишь украинцы, «вы» можете перестать быть «вами» и стать «как мы», одними из «нас».

Если еще более филологически углубиться в текст, то я бы заметил, что автор, по-видимому, начитан в русской литературе – оттого и язык у нее, по крайней мере в некоторых строках, богатый и энергичный. Должно быть, читала она и «Скифов» Блока – а в них та же враждебная оппозиция «мы/вы», та же уклончивость в определении «вас»,

а для «нас» заведомо неточное, метафорическое определение «скифы, азиаты». Или сравните: «Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы» и «Вы огромные – мы великие» (с обратным распределением атрибутов). Только ведь «Скифы» – тоже вызов, обращенный к врагам, чтобы призвать их к дружбе и даже... братству: «Пока не поздно – старый меч в ножны. Товарищи! мы станем – братья!» Если иметь в виду блоковский интертекст (кстати, и политически актуальный сегодня в контексте «обиды России на Запад»), то в стихах Дмитрук можно прочесть даже возможность нового, переучрежденного братства русских и украинцев, основанного уже не на традициях крови и почвы («ни по родине, ни по матери»), а на моральной и политической солидарности. Братства модернизированного, в соответствии с модернизирующей направленностью украинской революции. Братства через товарищество, как у Блока.

Я, конечно, не могу ручаться, что сама Анастасия Дмитрук согласилась бы с таким прочтением. Но текст часто выходит из-под власти собственного автора. Объективно ее стихотворение дает возможность для таких интерпретаций; и смею предполагать, что его взрывная популярность обусловлена именно сложностью, двойственностью задаваемой им установки. Подобно «Скифам» Блока, его можно прочитать как чисто националистическую поэзию вражды, а можно – как поэтическое же преодоление вражды. Еще раз, все зависит от нас, от нашей собственной позиции в литературе

И ЖИЗНИ.

Facebook

Совершенствование ума

2.07.2014

В поликлинике какой-то пенсионер и, вероятно, отставной военный, выйдя из кабинета после обследования, восхищается сложностью медицинских приборов: «Как же совершенствуется человеческий ум!» Пауза в две-три секунды – и продолжает: «Что Порошенко-то делает! Освободить, видите ли, хочет территорию! Да его четвертовать надо!», и т. д.

В этой сценке интересна пауза, момент перехода и ассоциации идей, на первый взгляд комически нелогичной. Какая связь между успехами медицины и заявлением президента Порошенко (где он действительно обещал освободить – разумеется, не «территорию», а свою «страну»)?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.